

Новая ХРАМ

РАССКАЗ

ХОДЖА АХМАД АББАС
Индийский писатель

Рисунки В. Зуйкова

Старый храм не отличался сколько-нибудь оригинальной архитектурой. То была обычная придорожная молельня, неведомо кем построенная около двух столетий назад из грубого серого камня, добытого тут же в горах. Приземистый каменный куб покоился на квадратном основании, к которому вело несколько ступенек. Над конусообразным куполом развевался флаг, который был когда-то ярко-желтого цвета, но от времени сильно выцвел и постепенно приобрел такой же серый тон, что и храм, и скалы, и далекие горы, едва различимые на унылом фоне неба.

Внутри святилища, в тесном полумраке, озаренном неверным светом двух плоских с плавающими в масле фитильками, играл на флейте каменный Кришна¹. Старый храм издавна служил местом паломничества. Его неотесанные грубые ступени были до блеска отполированы сотнями тысяч ног богомольных пилигримов.

Существовала легенда, будто люди воздвигли храм в ознаменование чуда. Однажды, много-много лет назад, разразился сильный ливень. Бурлящие потоки воды стали заливать долину, смывая на своем пути целые деревни. И тогда тысячи крестьян, оставшихся без крова, без средств к жизни, обратились с горячей молитвой к Кришне, и он внял их мольбе. Ливень мгновенно прекратился, и бешеные воды начали отступать. А над пучиной—

¹ Кришна — обожествленный герой древнеиндийской эпической поэмы «Махабхарата».

так говорила легенда — явился сам Кришна. Это было счастливое предзнаменование. В честь своего покровителя благодарные жители долины решили построить храм. Но эти простые землепашцы не разбирались в тонкостях архитектуры, и сооружение получилось таким же незамысловатым, серым и мрачным, как сама их жизнь.

Два столетия простоял храм среди этой пустоши, на пересечении двух узких и пыльных проселочных дорог. Он стал неотъемлемой частью жизни обитателей окрестных деревень. Молодые после свадебного обряда шли сюда за благословением, бездетные вымаливали потомство, а тяжущиеся — счастливый исход судебного дела.

Когда палила засуха или разражалась эпидемия — а это случалось каждые несколько лет, — люди приходили в свое святилище и молились об избавлении от постигшей их беды. Никто, ни один крестьянин, не мыслил себя, своей жизни без храма. А теперь он будет залит водой, уничтожен потоком, который произойдет по прихоти безрассудных и безбоязненных людей с горы, где поднимается плотина.

За несколько лет мысль о плотине стала привычной, хотя сперва крестьяне и восприняли весть о строительстве как нечто фантастическое, как сон или сказку... Не вздумал ли пошутить над ними человек из далекого Дели, чей голос исходил из волшебного ящичка².

Но нет, это была правда. Деревенские парни один за другим стали покидать долину, где жили их деды и прадеды, и поднимались по крутым тропинкам в горы — туда, где шли большие работы, где воздвигалась стена из камня и бетона, которая должна была обуздать реку. Прошло немного времени, и крестьяне начали получать от своих сыновей деньги, и немалые. О таких заработках они и мечтать не смели. С гор приходили и письма. Юноши рассказывали о своей работе, о жизни. Многие в этих письмах было непонятно крестьянам: в них часто встречались какие-то мудреные новые слова, и простодушные старые люди вынуждены были прибегать к помощи школьников или самого учителя.

В праздничные дни сыновья навещали родных. В военных куртках и брюках, они больше походили на солдат, чем на рабочих. Это не на шутку озадачило отцов и вселило ужас в сердца матерей.

— Что это значит? — спросил старый Паршурам своего сына Мангала, рослого, крепко сбитого парня, который казался еще выше в куртке и узких брюках цвета хаки. А мать высказала вслух то, что больше всего тревожит каждое материнское сердце:

— Сыночек, не отправляют ли тебя на войну?

Мангал улыбнулся, и его крепкие белые зубы сверкнули на солнце.

— Нет, нет, какие мы солдаты! Это подержанное обмундирование, мы купили его потому, что в нем удобно работать на стройке. Но, пожалуй, можно

² Радио.

сказать, что в горах идет война. Только это совсем другая война...

Усевшись на лестнице дома, где помещался панчаят³, юноша начал рассказывать собравшимся вокруг о том, что происходит на стройке. Отец и мать, сестры и братья, дяди и тетки, племянники и племянницы — почти все жители деревни Чхота-Парбатпур слушали Мангала и то и дело прерывали его возгласами удивления. Динамитные заряды, взрывающиеся с пушечным громом, превращают в щебень огромные скалы величиной с деревню... Машины — выше вон тех древних смоковниц — своими длинными стальными лапами поднимают обломки скал, щебень и цемент — сотни пудов... Целая армия инженеров и рабочих день и ночь не уходит со стройки, чтобы вовремя закончить плотину...

И это тоже было похоже на сказку. А впрочем, какой молодой человек не склонен к преувеличениям, и что удивительного, если парень малость прихвастнул! Но вид у юноши был самый серьезный, и не поверить ему было трудно.

А потом крестьяне услышали — эту весть донес до них волшебный ящичек, — что когда плотина перекроет реку, ее воды зальют всю долину и поэтому сотни деревень заблаговременно эвакуируют. И снова это было воспринято как одна из тех странных и непостижимых новостей, которые время от времени доходили сюда из разных уголков земли. Много, о чем рассказывал волшебный ящичек, так не вязалось с жизнью этих забитых людей, а некоторые сообщения казались просто невероятными...

Но наступил день, когда объявили, что и деревня Чхота-Парбатпур обречена на затопление. Сооб-

щив об этом, говорящий ящичек добавил, что деревня будет затоплена «во имя лучшей жизни, которая наступит для ее жителей и многих тысяч крестьян...»

Людей ошеломило это известие. Даже веселая песенка, полившаяся из магического ящичка, не могла их успокоить. Из века в век, из поколения в поколение обрушивались на крестьян неисчислимые беды, бесконечной чередой осаждали их всевозможные несчастья. Чего только не пережили эти угрюмые труженики земли — и голод, и наводнения, и болезни, и даже войны. Но горе не сломило их; несмотря ни на что, они выжили. Не впервые разъяренные воды угрожают смести их деревню с лица земли. Теперь же само правительство обещает отвести им надель и выдать ссуду, чтобы они могли поставить новые дома на холме, которому не угрожает затопление.

И постепенно крестьяне смирились с тем, что ожидало их. Даже отец Мангала, старый Паршурам, который еще совсем недавно проклинал тот день, когда разрешил сыну работать на строительстве плотины, — и он смирился с этой мыслью. Что правда — то правда. Мангал зарабатывает хорошие деньги; к тому же он говорит, что учится управлять одной из тех удивительных машин, которым ничего не стоит поднять своими гигантскими лапами целые горы. А это ведь лишь Хануману⁴ под силу... Одно только — парня явно испортили кинокартины, которых он посмотрел в Нангале. Слыхано ли, чтобы сын отказался жениться на девушке, которую выбрали для него родители! Недавно он явился домой и с возмутительным бесстыдством сообщил отцу, что нашел себе другую невесту, что она дочь механика, который живет с ним в одном бараке.

— Через месяц Гори исполнится шестнадцать, — невозмутимо добавил Мангал, — она еще учится в школе...

От неожиданности старик лишился речи. Не иначе девушка околдовала парня, если он решился так разговаривать с родным отцом... Придя в себя, Паршурам обратился к жене, которая оплакивала сына, стоявшего на краю гибели:

— Перестань плакать, мать Мангала! То, что должно случиться, неотвратимо. Я поведу Мангала в храм. Может быть, молитва поможет ему избавиться от безумных мыслей, которых он набрался в городе.

Юноша пожал своими широкими плечами:

— Если вам угодно, пойдите в храм, а то скоро его здесь не будет.

— Что за безбожные речи я слышу! — гневно воскликнул Паршурам. — Не смей так говорить о святом месте!

— Но я же дело говорю! Когда все деревни скроются под водой, храм тоже окажется на дне.

С трудом понял Паршурам, о чем толкует сын.

⁴ Хануман — герой древнеиндийского эпоса, обладавший необыкновенной силой.

³ Панчаят — правление сельской общины.

Да, конечно, если и деревни, которые расположены выше, будут затоплены, то храму тоже грозит опасность!

И Паршурам в храм не пошел. Он решил зяться более серьезным, более важным, чем усмирение упрямого и своенравного сына, и воистину божеским делом: надо во что бы то ни стало спасти храм!..

С этой мыслью Паршурам в сопровождении сына отправился в панчаят, чтобы рассказать о надвигающейся беде.

— Счастье еще, что мы своевременно узнали об этом, — сказал седовласый сарпанч⁵ Хори, самый старый и самый уважаемый человек в деревне, и в голосе его прозвучало непререкаемое чувство собственного достоинства. — Мы не допустим, чтобы наш храм разрушили. Мы не позволим и пальцем дотронуться до него, даже если правительство велит казнить каждого из нас...

— Но, дедушка, на том же холме, где мы будем строить нашу новую деревню, можно воздвигнуть и новый храм, — почтительно заметил Мангал. — А если вы захотите, мы перенесем туда не только изображение Кришны, но камень за камнем перетащим и самые стены. Это будет тот же самый храм, только на новом месте...

— Сын мой, твои слова лишены всякого разума и веры. Сама земля, на которой стоит наш храм, священна. — Голос престарелого Хори звучал негромко, но властно. — Его построили на том месте, где двести лет назад свершилось великое чудо. Сам Кришна избрал себе обиталище, и никому не дозволено посягать на него, в том числе и всеильному правительству.

— В таком случае, — возразил Мангал почтительно, но упрямо, — все, чего мы достигли ценой таких невероятных усилий, окажется совершенно бесплодным. Будут пущены на ветер миллионы рупий, пропадет труд десяти тысяч людей, которые целых десять лет работали на этой стройке...

— Будь что будет! — сурово отрезал Хори. — Но никто не вправе нарушать покой покровителя нашей долины в его неприкосновенном жилище. Лишь он один властен решить, остаться ли ему там, где он сейчас, или переселиться в другое место.

Мангал молча выслушал эту отповедь и по дороге домой повторял про себя последние слова старого Хори. Он придавал им особое значение...

Из деревни Чхота-Парбатпур слух о предстоящих событиях распространился по всей округе. Из уст в уста передавалась тревожная весть: «Храму угрожает опасность!» Все окрестные жители поднялись на его защиту. Пятьсот мужчин и женщин пришли к храму и легли на землю, оградив его живым кольцом.

— Тот, кто решится вынуть хоть один камень из священных стен, сможет это сделать, только перешагнув через наши мертвые тела, — раздался чей-то голос. Старая женщина истерически закричала:

— Эй, злые люди! Если даже вы пустите сюда все ваши проклятые воды, все равно они покатятся обратно, ни одна капля не коснется храма...

Правительственные чиновники разясняли крестьянам, какую большую пользу получают они от плотины, какое процветание сулит им новое море... Ничто не могло убедить взволнованную толпу.

— Пусть сам Кришна подает нам какой-нибудь знак, — твердили крестьяне, стараясь никого не обидеть, но и не поддаваясь на уговоры.

...О чем только не думал в ту ночь Мангал: и о

⁵ Сарпанч — глава общины.

плотине, и о любимой девушке, и о тысячах таких же, как он, рабочих, весь труд которых может пойти прахом... Ведь Кришна — друг обездоленных. И если плотина послужит счастьем людям, разве обидится он, что его храм перенесут из-за нее на другое место?

Мангал вспомнил легенду: как-то в детстве папушонка Кришна стащил масло у девушек-коровниц... А разве не Кришне принадлежат слова:

«Ты долг выполняй свой, Арджуна,
Что будет — о том не печалься...»⁶

Юноша твердо решил выполнить то, что задумал. ...Когда из-за гор выплыло солнце, люди узнали о новом чуде: каменный Кришна сам выбрал себе другое пристанище — на вершине холма, возвышающегося над всей округой.

И храм перенесли на новое место. Это был тот же самый храм из грубого серого камня. И тот же самый каменный Кришна беззвучно играл на своей каменной флейте, озаренный мерцающим пламенем глиняных светильников с плавающими в масле фитильками. Но сейчас храм стоял на крутом берегу нового моря, воды которого широко разлились, напоив живительной влагой сотни бигхов жаждущей земли.

— Не правда ли, наш храм прекрасен? — сказал старый Паршурам, сопровождавший в святилище сына и свою юную невестку, чтобы испросить благословение у Кришны. Старик в конце концов одобрил сыновний выбор, и шестнадцатилетняя Гори, которая за несколько дней до свадьбы окончила школу, стала женой Мангала. Гори была слишком боязлива и застенчива, чтобы вступить в разговор со старым Паршурамом и ответить на его вопрос. Она лишь посмотрела на своего мужа глазами, полными счастья. И Мангал ответил отцу:

— Да, отец, наш новый храм и в самом деле прекрасен. Посмотри, как широко раскинулось море, созданное человеческими руками. А за этим морем есть еще одно чудо — гигантская плотина, в которую вложен труд тысяч людей. Да, прекрасен наш новый храм, воздвигнутый во славу и для счастья человека!

Перевел с английского
Б. Эпельфельд

⁶ Строки из древнеиндийского эпоса «Гита».